

Библиотека
начальной школы

Дядя Фёдор и Лёто в простоквашине

Э. Успенский

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

Простоквашино

Эдуард Успенский
**Дядя Фёдор и лето
в Простоквашино**

«АСТ_Успенский»

1988

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Успенский Э. Н.

Дядя Фёдор и лето в Простоквашино / Э. Н. Успенский —
«АСТ_Yspenskii», 1988 — (Простоквашино)

ISBN 978-5-17-088792-7

Пришла весна, и позеленевший за долгую зиму дядя Фёдор собрался в деревню к своим друзьям. О том, как прошли летние каникулы, юные читатели узнают из повести Э.Н. Успенского «Дядя Фёдор и лето в Простоквашино». Это лето было насыщено событиями. Дядя Фёдор твёрдо решил торжественно отдыхать, Шарик – написать поэму, кот Матроскин – хорошо потрудиться, а корова Мурка – обзавестись телёночком. Удалось им это или нет, судите сами. В любом случае, встреча с любимыми героями подарит много приятных минут. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088792-7

© Успенский Э. Н., 1988
© АСТ_Yspenskii, 1988

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвёртая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Николаевич Успенский

Дядя Фёдор и лето в Простоквашино

© Успенский Э. Н., 2016

© Илл., Боголюбова О. А., 2016

© Образы, Хачатрян Л. А., наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава первая Торжественное начало каникул

Как-то неожиданно придвинулся месяц май. Только что на деревьях почки были, лужи сверкали скользкие, общая влажность была. А тут раз-два – и всё высохло, листья возникли, жухлая трава зазеленела и в школе занятия закончились.

Дядя Фёдор стал в деревню проситься:

– Там кот Матроскин и Шарик меня заждались.

Мама не хотела дядю Фёдора в деревню пускать. Она говорила папе:

– Только я отучила его от деревенских привычек – бегания и мотания на велосипеде. Только я его к театру приучила, к компьютеру, к книжкам, к сидению за столом по пять часов, как он опять на волю просится!

Папа сразу сказал:

– У него от компьютера глаза квадратными получились.

Потом раскипятился и произнёс целую речь:

– Да от твоего сидения за столом он по полчаса разогнуться не может. Да от городского воздуха он совсем зелёным стал. Ему при таком маскировочном цвете в спецназ идти хорошо. Его в лесу даже свои не найдут. Пусть в деревню едет.

Мама поскрипела, поскрипела немного, но согласилась:

– Пусть.

Кот Матроскин и Шарик дядю Фёдора на тракторе на электрической станции встречали. Они от радости сразу на нём повисли, и все вместе на землю шлёпнулись.

Как только наши приятели сели на трактор, зелёный дядя Фёдор заявил:

– Вы как хотите, а я всё лето буду отдыхать. Я буду торжественно ничего не делать.

– Это как? – спросил кот Матроскин.

– А так. Торжественно лягу на лужайке, книгу подложу под голову и буду лежать весь июнь. Загорать, на облачка смотреть.

Матроскин говорит:

– Ой, я сейчас приеду, только свёклу доварю, Мурку мою подою, в магазин сбегаю, за свет заплачу, кое-что стираю... И тоже буду торжественно отдыхать весь июнь. И ещё июль прихвачу.

– Не-а, – говорит Шарик. – А я буду всё лето работать. У меня летом самый фотосезон.

И верно. Шарик летом со своим фоторужьём не расставался. Он мог его с закрытыми глазами, как автомат Калашникова, разобрать, протереть и снова собрать.

– Твою беготню с фотострелялкой и работой назвать нельзя, – сказал Матроскин. – Так, сплошное скакание по полям.

В общем, скоро дядя Фёдор улёгся на поляне – книжка под голову. Шарик рядом лёг, потом и Матроскин пристроился. Тут Печкин идёт со своей почтой.

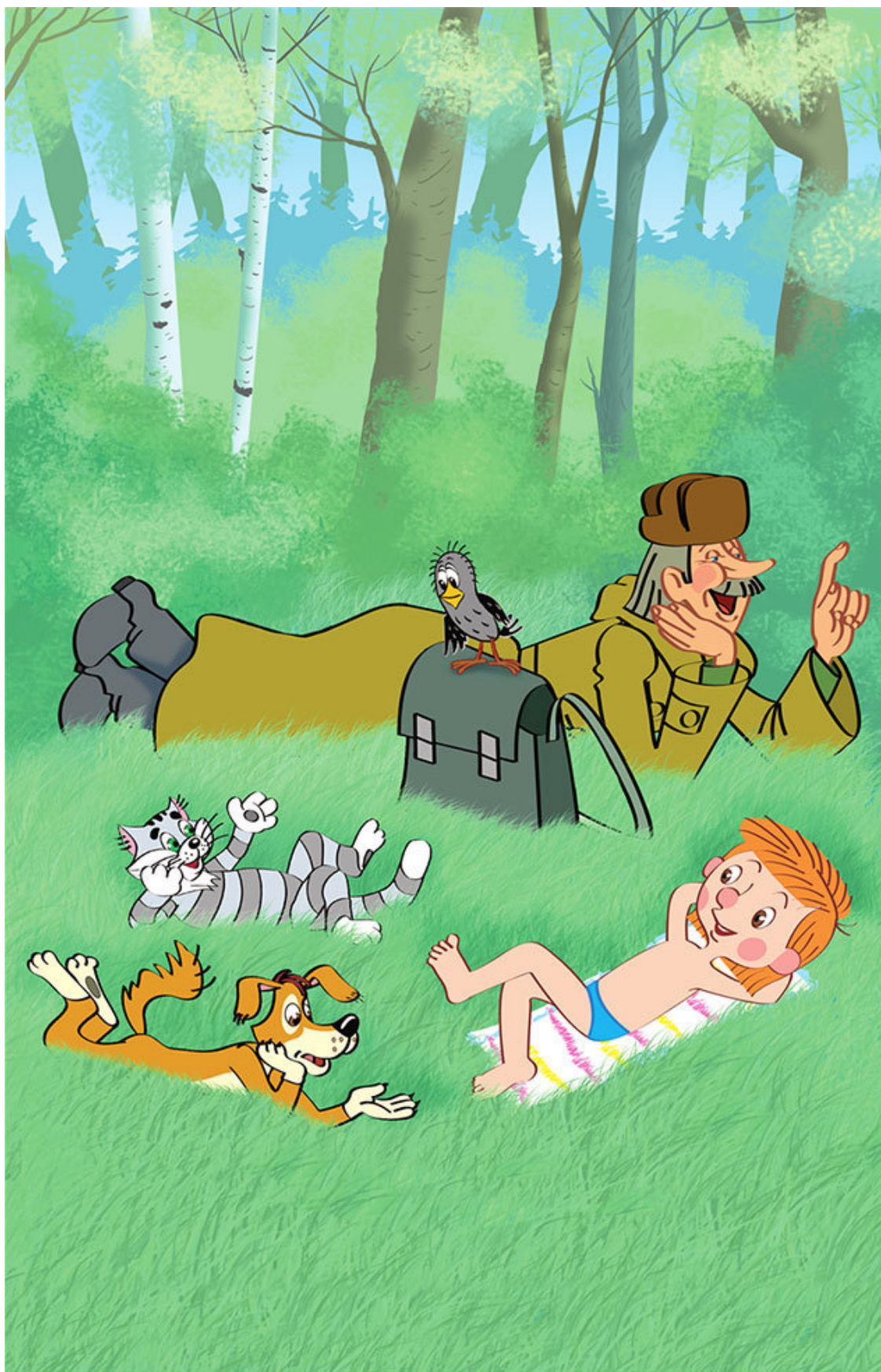
– Чего это вы тут делаете?

– Мы ничего не делаем. Торжественно.

– Это как торжественно? – спрашивает Печкин.

– А так, – говорит Матроскин. – И вызываяще.

– Они весь июнь так собираются торжественно ничего не делать, – говорит Шарик.

– Ой! – кричит Печкин. – Я сейчас только почту разнесу и тоже к вам присоединюсь. Мне очень нравится такое торжественное занятие.

Скоро он к ним присоединился. Расстелил свой плащик, и у них беседа началась.

– Меня вот что беспокоит, – говорит Матроскин. – Моя корова что-то стала мало молока давать. Всё думаю, как надои увеличить.

Печкин сказал:

– Сейчас в Европе новые методы применяются. Это я в журнале прочитал. Надо коровам музыку ставить перед носом. Тогда они сразу больше молока давать начинают.

– Какую музыку им надо ставить? – спрашивает Матроскин.

– Я не запомнил, – говорит Печкин. – Что-нибудь с травяным уклоном. Например, вальс цветов или что-нибудь Сен-Санса.

– А Сен-Санс-то здесь при чём? – удивился кот.

– Не знаю. Может быть, чем-то с сеном связано.

– Надо весёлую музыку ставить, – говорит Шарик, – чтобы молоко не скисло.

– Чего тут долго думать, – говорит дядя Фёдор. – У нас одна только музыка и есть. Я на чердаке проигрыватель видел со старыми пластинками. Пробуй, Матроскин.

Матроскин сразу свой торжественный отдых прекратил и на чердак полез проигрыватель доставать.

Он его быстро нашёл, нашёл ещё несколько пластинок. Быстро всё это на табуреточке к Муркиной двери пристроил и пластинку завёл. Там певица по фамилии Русланова песню пела про валенки.

Корова Мурка песню про валенки не очень поняла. Она из сарая выглянула и обратно в сарай ушла сено дожёвывать.

Вторая песня была «Калинка-малинка». Она бурёнке больше понравилась. Буренка её всю до конца дослушала. Но опять ушла.

Матроскин, чтобы её привлечь, рядом с проигрывателем несколько овощных пирожных положил.

– Молока сегодня будет! – решил он. – На всю деревню хватит!

Глава вторая

Новое увлечение Шарика

Однажды, когда наши друзья в очередной раз торжественно ничего не делали, Шарик и Матроскин поспорили – люди какой профессии больше всех зарабатывают.

Шарик напирал на то, что больше всех министры получают и президенты разные:

– Их государство обеспечивает.

Матроскин говорил, что олигархи. Потому что они сами себя обеспечивают.

– Они сами себе сколько хотят, столько и платят.

Дядя Фёдор утверждал, что больше всех зарабатывает тот, кто умеет интересно жить.

– Можно без всяких денег в путешествия ходить. Книжки интересные читать. С друзьями у костра сидеть. А бедные министры и олигархи ничего, кроме своих компьютеров, не видят.

Почтальон Печкин свою линию гнул:

– Больше всех разные поэты зарабатывают. Вот я помню, в газетах читал, что поэтам за одну строчку рубль – нет, доллар сорок платят.

– Это как так за одну строчку?

– А так. Сочинил ты такую строчку: «Стою на полустаночке». Раз – и тебе доллар сорок. Понятно?

– Понятно.

– Придумал дальше: «В красивом полушалочке» – тебе ещё доллар сорок. Понятно?

– Понятно.

– «А мимо проезжают поезда» прибавил – уже больше четырёх рублей вышло.

Дальше Печкин одновременно пел и считал:

А рельсы, так уж водится,
У горизонта сходятся...
Ах, где ж вы, мои прежние года?
Ах, где вы, мои прежние года?

В результате у него за все строчки восемь рублей сорок копеек заработка получилось. Эта арифметика Шарика потрясла. Куда бы он ни шёл теперь, он всегда губами шевелил:

– Люблю грозу в начале мая, –
Рубль сорок.
Когда весенний первый гром, –
Два восемьдесят.
Полурезвясь, полуиграя, –
Четыре двадцать.
Грохочет в небе голубом.

Пять рублей, то есть пять долларов шестьдесят копеек получается. Надо же, а я даже до остановки не дошёл.

Глава третья

Встреча со знаменитым поэтом

Как раз в это время в соседнюю деревню Троицкое стихотворный поэт должен был приехать. На клубных расклейках было написано: «Состоится встреча с поэтом Юрием Энтиным. Стихи последних лет».

И кое-где большие афиши были расклеены.

На афише была фотография поэта, где он радостно кого-то приветствовал. То ли самолёты, то ли народ. Была в нём какая-то потусторонняя отрешённость и возвышенность. Короче, было ясно, что это настоящий поэт, а не халтурка какая-то.

Стихи последних лет троицких особенно не интересовали, а сам поэт заинтересовал – больно непривычный уж был мужчина: совсем тощий и весь в волосах.

Пелагея Капустина сказала:

– Я обязательно пойду на встречу с ним. Уж больно вид у него жалостливый, и стихи у него, наверное, такие же.

– Да ничего подобного, – сказал сторож дед Сергей с горушки. – Он человек волевой, это сразу видно. Он на приплюснутого Дзержинского похож.

Клубная билетёрша тётя Дуня сказала: – Ерунда это всё, чего вы там думаете. Поэт Юрий Энтин – это композитор Владимир Шаинский.

Она так часто встречи устраивала, что в мозгах у неё всё запуталось.

В общем, народ решил с поэтом встретиться.

Шарик, Матроскин, дядя Фёдор и почтальон Печкин, разумеется, тоже пришли на концерт. Сели в самом дальнем ряду. Потому что если им вечер не понравится, они тихонько уйдут.

Троицкий клуб был такой маленький, что самый дальний ряд фактически ближним был.

Печкин взял счёты, чтобы поэтический заработок считать.

Поэт вышел на сцену – свободный и раскованный, совсем не такой, как на афише. И сразу начал:

В летнем месяце апреле
Потихоньку тает снег,
И весёлые качели
Начинают свой разбег.

Печкин только успевал счётами щёлкать:

– Доллар сорок, доллар сорок, рубль сорок и ещё рубль сорок.

Взлетая выше ели... Щёлк.
Не ведая преград. Щёлк.
Крылатые качели. Щёлк.
Летят, летят, летят.
Щёлк, щёлк, щёлк.

– Гражданин товарищ поэт, – просит Печкин, – повторите, пожалуйста, стихотворение про качели.

– Оно вам так понравилось?

– Я просто строки не успел сосчитать.

Тут записки из зала стали поэту приходить самые разные: «Ваша жена артистка?»

Поэт даже растерялся:

– Нет, но концерты устраивает.

«Прочтите ваше любимое стихотворение».

Юрий Энтин согласился:

– Хорошо. Прочитаю.

Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.
Умрёшь – начнёшь опять сначала.
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная гладь канала,
Аптека, улица, фонарь.

– Восемь строчек всего, – говорит Печкин, – невыгодное стихотворение.

– Это стихотворение Александр Блок написал, – сказал Юрий Энтин.

Печкин расстроился:

– Он меня запутал. Придётся пересчитывать. Он же чужое стихотворение читал.

Поэт тут же исправился и стал читать только своё:

Прекрасное далёко,
Не будь ко мне жестоко.
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.

«Какой хитрый, – успел подумать Печкин, щёлкая счётами, – три раза повторяет».

Из чистого истока
В прекрасное далёко,
В прекрасное далёко
Я начинаю путь.

«И опять повторяет. Вот экономия!»

В общем, Печкин насчитал за вечер четыре тысячи двести копеек, чем окончательно подкосил Шарика.

Глава четвёртая

Проблемы с коровой Муркой

Дела с молоком у Мурки не улучшались. Она, несмотря на проигрыватель, всё меньше молока давала.

– Репертуар не тот, – сказал почтальон Печкин. – Ей надо что-нибудь сугубо личное поставить. У меня есть одна такая пластинка.

Он пластинку принёс, и Матроскин её запустил. Это была весёлая животноводческая песня про корову. Пел её замечательный певец Леонид Утёсов.

Пластинка была старая, она всё время съезжала со строчки на строчку. Но текст был абсолютно коровий. Проигрыватель пел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.